

Содержание

<i>Введение</i>	7
Литература и общество	11
«Семейное счастье»	25
Симптомы кризиса	27
Культурная обстановка. 1840-е и 1850-е годы	30
Общественное положение женщины в первой половине XIX в.	33
Женское образование	38
Французское влияние	44
Что такое «семейное счастье»?	49
«Анна Каренина»	53
Институт брака в «Анне Карениной»	55
Институт брака по расчету	57
Патриархальная семья	63
Развод во времена «Анны Карениной»	74
Перемены, принесенные реформами	80
На пути к новой семье	91
Рецепция романа «Анна Каренина» в России конца XIX в.	96
Критика в последней четверти XIX в.	98
Народническая и консервативная критика	101

Психологический и реалистический подходы	115
Суд над Анной	118
Критика и институт брака	124
Финал	130
<i>Чужой</i> роман	134
«Крейцера соната»	141
«Крейцера соната» и зарождение буржуазного брака	143
Буржуазная семья	151
Новая модель брака	160
Любовь и сексуальные отношения в рамках договора	166
Супружеская измена как угроза обществу	184
Развод в конце столетия	191
Дискуссия вокруг «Крейцеровой сонаты»	195
Критика со стороны церкви	199
Религиозные писатели и философы	207
Консервативная и народническая критика	214
Реакция простых читателей	219
Формирование новых сексуальных дискурсов	223
<i>Вместо заключения</i>	227
<i>Библиография</i>	233
<i>Именной указатель</i>	261
<i>Summary</i>	266

Целью нашей работы является изучение трех произведений Льва Николаевича Толстого – «Семейное счастье», «Анна Каренина» и «Крейцерова соната» – в историко-социологической перспективе: несмотря на существование огромного количества научной литературы о Толстом, этот аспект представляется еще недостаточно исследованным. В рассматриваемой нами «трилогии» отражается исторический переход от брака по расчету (контракта, заключаемого аристократическими семьями с целью сохранения имущества и укрепления политических союзов)¹ к буржуазному браку (союзу, основанному на чувствах), начавшему распространяться в России во второй половине XIX в. Выбранные нами произведения становятся ярким отражением этого перехода. «Семейное счастье» предвещает кризис брака по расчету, который со всей очевидностью проявится в «Анне Карениной», а в «Крейцеровой сонате» дается пример нового буржуазного брака.

Прочтение «трилогии» в очередной раз позволяет нам убедиться в существовании сложных взаимоотношений между литературой и обществом, которые, как показывают семиологи, историки и писатели, являют собой тесное переплетение множества связующих нитей и активно воздействуют на окружающую реальность. Литература не ограничивается отображением социальных событий и процессов, но содействует их возникновению.

¹ Князь Мещерский в романе «Лорд-апостол в большом петербургском свете» (1876) утверждает, что это выражение заимствовано из французского языка (*marriage de raison*), и поясняет, что оно обычно использовалось в высшем свете (Мещерский 1876.I: 252–253). О браке по расчету ср.: Институт брака в «Анне Карениной».

Знакомясь с исторической действительностью, проглядывающей между строк произведений Толстого, мы начинаем понимать, какое влияние его труды могли оказывать на поведенческие и ментальные структуры читающей публики в такой литературоцентричной культуре, как русская.

Выбор источников для нашего исследования был обусловлен необходимостью определить переходный и кризисный этапы института брака по расчету, а также этап его преобразования в брак по любви. Поэтому мы намеренно исключили из нашего списка «Войну и мир» – роман, который может считаться апологией брака по расчету, однако в список вошла «Анна Каренина», где не только описываются механизмы функционирования брака по расчету, но и выявляется его глубокая нестабильность. Выбор «Семейного счастья» был определен тем, что это произведение выявляет в институте брака истинную природу целого ряда проблем, угрожавших его существованию еще в первой половине XIX в. Наконец, в «Крейцеровой сонате» освещается новый исторический период, когда зарождается буржуазный брак, основанный на новом понимании любви, сексуальной и семейной жизни.

В первой главе мы вводим тему взаимодействия литературы и общества, показывая, насколько плодотворным оно было в России XIX в. Действительно, в царской империи, где гражданское общество не развивалось, как в остальной Европе, а общественным движениям и инициативам не удавалось повлиять на общественное мнение, как это происходило на Западе, уделом изящной словесности стало предлагать ответы на вопросы не только литературного, но и философского, исторического и социального характера. Русский роман XIX в., который выходил за рамки простого художественного произведения и на страницах которого обсуждались все проблемы, интересовавшие интеллигенцию того времени, сделался, таким образом, «сейсмографом» эпохи.

Вторая глава посвящена «Семейному счастью», произведению 1859 г., где Толстой ставит вопрос, который будет беспокоить его на протяжении всей жизни: «Что есть семейное счастье?» В этом произведении мы находим одновременно и искания самого автора, и описание первых симптомов социального кризиса, кото-

рый затронет семью, брак и положение женщины в последующие годы. Пока автор ищет в своей частной жизни ответ на этот вопрос, в России 1850-х годов постепенно зреют плоды критики и философии 30-х и 40-х (западничества, утопического социализма, радикальной критики, идеологии «лишних людей» и др.) и подготавливается почва для реформ. «Семейное счастье» полностью вписывается в этот переходный контекст, так как выявляет симптомы устаревания прежней семейной модели.

Третья глава рассказывает о превратностях жизни Анны Карениной – героини, чья история воплощает в себе кризис института брака по расчету и предвещает новую эпоху. Всего несколькими десятилетиями ранее адюльтер, нарушение супружеских уз и последующий уход из семьи – действия, совершаемые Анной в романе, – были бы немислимы. Таким образом, перед читателем встают два закономерных вопроса: что именно делает возможным бунт героини и в то же время насколько Каренина своим поступком способствует окончательному уходу в небытие давно устаревшего брака по расчету? Наряду с этими вопросами у читательской аудитории не могут не возникнуть и другие: в частности, в какой степени этот роман испытал влияние европейского адюльтерного романа и в какой мере он отражает особенности русской мысли?

Если в рассмотренных выше произведениях мы видели кризис института брака по расчету, то в «Крейцеровой сонате» мы наблюдаем зарождение буржуазного брака. Это произведение, содержащее идеи позднего Толстого о супружеской жизни, неоднократно изучалось с философской точки зрения, однако до сих пор ни разу не рассматривалось как описание новой формы, которую принимает институт брака к концу столетия. В то время как аристократия медленно сходит со сцены, уступая место новым общественным классам пореформенной России, семья и роль женщины в обществе также претерпевают коренные изменения. Из бреда Позднышева, в рассказе которого описывается крайний случай сожительства супругов, можно также получить представление о новом типе брачного договора. В то же время слова главного героя показывают понятия любви, супружеской измены и сексуальных отношений в новой перспективе. Таким образом, наряду с дискурсом супружеских уз здесь появляется новый

тип сексуального дискурса, бум которого наступит в грядущем столетии как во всей Европе, так и в России.

Творчество Л.Н. Толстого, фиксируя крупные потрясения, характерные для смены исторических циклов, вместе с тем оставило неизгладимый след на ментальности его современников.

Отдельные части этой книги уже выходили в печати. В настоящем издании они переработаны и дополнены (ср.: Zalambani 2010, 2011, 2013a, 2013b, 2013c, 2016).

ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

What I have boldly called the greatest society novel in all literature is an anti-society novel.

T. Mann. Anna Karenina

Без сомнения, книги графа Толстого оставляют глубокий след у наилучшей и наиболее образованной части нашей молодежи. Молодые люди ищут в его книгах новую художественную теорию и, прежде всего, усваивают из них новое мировоззрение, другими словами, новую философию².

Этими словами критик и дипломат виконт Эжен-Мельхиор де Воюэ, познакомивший французскую публику с творчеством Толстого, подтверждает влияние последнего на читателей, признавая таким образом, что литература имеет над обществом огромную власть.

Динамичный взаимообмен между литературой и обществом всегда был характерной чертой европейской культуры. Как отмечает историк Лоуренс Стоун, в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. литература также становится носителем реформаторских идей. Идеал романтиков конца XVIII в. – человек чувствительный и сентиментальный – начинает определять новый, гуманный характер отношений между людьми, что, в свою очередь, открывает дорогу изменениям в законодательстве и реформе социальных институтов (Stone 1983: 264)³. То же самое происходит и в России:

² Воюэ 1890: 513–514.

³ Стоун добавляет: «После 1780 г. романтическая любовь и роман развивались в равной степени интенсивно, и было бы невозможно установить, что из них являлось первопричиной, а что – следствием. Можно только сказать, что впервые в истории романтическая любовь стала представлять собой солидную мотивацию для брака между имущими классами и что в то же самое время огромный поток романов, посвященных этой любви, заполнил полки публичных библиотек» (Stone 1983: 315–316). Везде, где не даются ссылки на переводчика, перевод наш.

Все большие писатели России так или иначе отвечали на вопросы, поставленные освободительным движением, – независимо от своего отношения к революционным методам их решения. Отсюда неимоверная интенсивность развития русского общественного сознания, та отчетливость и быстрота, с которой одно поколение сменялось другим, сообщая каждому десятилетию особую идеологическую атмосферу. Эти условия способствовали возникновению ряда друг друга сменяющих исторических характеров, на которые ориентировалось самосознание каждого из поколений. От героической личности декабризма 1810–1820-х годов до нигилистов 1860-х трудно найти более сконцентрированное и наглядное чередование моделей общественного человека (Гинзбург 1971: 35).

В России XIX в. взаимосвязь между литературой и обществом является еще более прочной в силу литературоцентричного характера русской культуры. В царской империи, где гражданское общество не развивалось, в отличие от остальной Европы, а социальные движения и инициативы не могли влиять на общественное мнение, как это происходило на Западе, делом литературы было давать читателям пищу для размышлений и способствовать развитию идей. Русский роман XIX в. выходит за рамки простого художественного произведения: на его страницах обсуждаются все вопросы, занимающие интеллигенцию; литературный дискурс становится главным средством распространения философской, исторической, общественной и литературной мысли. За счет своего центрального положения в социуме литература обретает большую власть над публикой и активно влияет на психику читателей. Искусство, таким образом, из простого зеркала действительности превращается в ее творца.

Читатели переносят литературу в жизнь и жизнь в литературу, и их отношение к книгам и писателям, их образ чтения формируют ограниченный остов значений и ожиданий вокруг печатного слова (Brooks 1978: 97)⁴.

Как утверждает Борис Гаспаров, в XIX в. письменное слово обладало неслыханной силой, вплоть до того, что изящная сло-

⁴ О литературоцентричности русской культуры ср.: Берг 2000: 180–205.

весность зачастую выступала в роли «учебника жизни». Литературный текст становился кодом, по которому могло строиться повседневное поведение людей в реальной жизни, и сам Толстой всегда верил в это⁵.

Особенно после Пушкина многие русские интеллектуалы начали воспринимать литературу как всеобъемлющий учебник жизни. Как читатели, так и сами авторы считали, что именно в литературе содержатся решения нравственных проблем и ответы на фундаментальные философские вопросы. Художественное слово становилось настоящей политической программой, необходимой для преобразования общества, индивидуальным поведенческим кодом; способом истолкования прошлого и пророческим гласом будущего России (Gasparov 1985: 13; ср.: Todd 1986).

Контекст развития литературного дискурса в России XIX в. можно описать как синтез просветительского антропологизма, порожденного руссоистской верой в человека, и историзма, осмыслявшего завершение феодального периода и зарождение буржуазного общества. В то время как просветительская вера в чистоту не оскверненного обществом естественного человека предполагала оценку реальности с нравственных, а не с исторических позиций, закат феодальных отношений и последующие социальные преобразования принуждали мыслителей к серьезному историческому изучению эволюции человека и общественной среды.

Эта двойная художественная тенденция – историзм и антропологизм, – определенная своеобразием русской жизни XIX в., соединявшей и элементарные в своей социальной грубости конфликты крепостнической эпохи, и сложные противоречия буржуазной цивилизации, составляла одну из характерных черт русского реализма XIX в. (Лотман 1997г: 558).

⁵ Вот слова из его письма 1894 г., адресованного Е.И. Попову: «Чтобы описать людей как примеры из жизни, не нужно совсем забывать человеческий элемент, слабости... Описание разбойника будет более действенным и будет иметь большее воздействие на людей, если он будет представлен со своей злостью, жестокостью, похотливостью, сопровождаемыми проблесками покаяния, чем с описанием, которое представит его святым без слабостей» (Толстой 1955: 113).

Целью обеих тенденций являются познание и изображение действительности, в обеих присутствует мечта о гармоничном общественном устройстве, но в то время как антропологизм обращается к прошлому, к первобытному, «естественному» обществу, историзм полагает, что общественной гармонии можно достичь естественным завершением исторического перехода; именно последним путем, согласно Ю.М. Лотману, следует толстовская проза (Там же: 592). Творчество Толстого представляет собой целый свод правил для культуры и обычаев его времени. Толстовский текст частично вбирает в себя приемы европейского романа и частично пересекается с ним, говоря с публикой на новом языке, вызванном к жизни авторитетным словом писателя с международной славой. Действительность проникает в творчество Толстого, играет на сцене его произведений, чтобы затем вновь покинуть страницы книг и вернуться в самое сердце общественной жизни в неузнаваемом виде. Вслед за романтической литературой, создававшей новые жизненные модели в мире художественного текста, великие романы Толстого также вызвали огромный общественный резонанс. Его проза пробивала брешь в сознании читателей и вызвала в обществе дискуссии, темой которых, среди прочих, было также новое видение брачного контракта и роли женщины.

Наследием романтической литературы как в России, так и в Западной Европе был идеал семьи, основанной на чувствах (Глаголева 2000). Этот идеал был освещен Пушкиным в образе Татьяны Лариной, которая проецировала на свою жизнь фантазии из прочитанных ею книг и видела в Онегине Ловеласа или Грандисона (Евгений Онегин. III. Строфы 9–10. Ср.: Лотман 2003б: 626; Debreczeny 1997: 21–28; Todd 1978). Романтический герой, творение Гёте и Байрона, оживает и начинает выступать на сцене действительности; воспевание писателями любовных страстей приводит даже к неслыханной волне самоубийств на любовной почве. «В романтическом произведении новый тип человеческого поведения зарождается на страницах текста и оттуда переносится в жизнь» (Лотман 1992д: 308)⁶.

⁶ Лидия Гинзбург также полагает, что «литература может плодотворно изучаться на разных уровнях. Но смысловой ее уровень – это уже уровень исторический. Невозможно прочитать произведение как систему

Как европейское Просвещение и романтизм ворвались в российскую жизнь и действительность посредством литературы⁷, так же и новое видение роли женщины проникло в общество через художественное слово⁸. Со времен Петра I, и особенно в эпоху романтизма, женщины играли важную роль в мире культуры: будучи отстранены от управления государством за неимением права занимать государственные должности, они тем не менее могли заниматься культурой (Лотман 1994в: 48). Таким образом, они вносили свой вклад в воспитание и образование детей, а источник вдохновения обретали в романах. В 30-е годы XIX в. под влиянием французских романов образ женщины в литературе меняется, что, в свою очередь, накладывало отпечаток на ментальность новых поколений: «Жорж-зандовская идеализация женщины и апофеоз любви благотельно действовали на смягчение наших чувств и семейных отношений», – утверждает историк того времени (Шашков 1872: 214; ср.: Орович 1900: 83–86). Поэзия (стихи Аполлона Майкова, Афанасия Фета, Якова Полонского) также воспекает чувство любви, способствуя распространению нового идеала семьи, основанного на этом чувстве. Наконец, в 40-е и 50-е годы литература поднимает женский вопрос: «Романисты

знаков, не понимая того, что они означали для создавшего их художника, то есть не раскрыв значений, порождаемых исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры» (Гинзбург 1971: 5–6).

⁷ Приводя в пример строки Пушкина, Лотман утверждает: «[В] качестве “европейского просвещения” выступала не реальная действительность Запада, а представления, навеянные романами.

“Мы алчем жизнь узнать заране,
И узнаем ее в романе”.
(Пушкин. VI. 226)

Таким образом, ситуации романов вторгались в тот русский образ жизни, который осознал как “просвещенный” и “западный» (Лотман 1994б: 104). Ср.: Pushkareva 1997: 174–190; Лотман 1997б: 125–133.

⁸ «Вторая половина XVIII и первая половина XIX века <...> отвела женщине особое место в русской культуре, и связано это было с тем, что женский характер в те годы, как никогда, формировался литературой» (Лотман 1994в: 64).

первые дали женскому вопросу право гражданства в литературе и популяризировали его в обществе» (Шашков 1872: 218). Такие произведения, как «Кто виноват?» (1847) Александра Герцена, «Полинька Сакс» (1847) Александра Дружинина, «Смелый шаг» (1863) Леона Бранди, оказали сильное влияние на русскую мысль (Там же: 214–228).

Следуя традиции 40-х годов, сформировавшейся под влиянием литературных моделей романтизма и пропитанной идеалами утопического социализма, зарождаются идеи поколения 60-х о браке и супружеской измене. Но радикалы Нового времени во многом отличаются от своих предшественников: для них исторический переход, совершившийся в середине XIX в., означает переход от инстинктивной реальности романтического восхваления чувств к разумной и тщательно организованной деятельности, в рамках которой субъективные страсти и желания должны подчиняться идеологии («общему делу») и революционному самоотречению (Паперно 1996: 124–125).

В литературе второй половины XIX в. тема свободы чувств раскрывается через эксперименты с такими новыми способами совместной жизни, как, например, любовный треугольник. Многие прогрессивные писатели, среди которых Александр Герцен и Николай Чернышевский, практиковали новые модели сожительства как в жизни, так и в своих романах. Обратившись сначала к литературным образцам, они переносили литературу в реальную жизнь, а затем вновь придавали своему жизненному опыту форму художественного текста. Литература становилась продолжением жизни, а жизнь – продолжением литературы. Так, Герцен под влиянием, в частности, «Новой Элоизы» Руссо и «Маленькой Фадетты» Жорж Санд, выводит на сцену любовный треугольник в романе «Кто виноват?». Вскоре после публикации этого романа неожиданный «ménage à trois» затягивает в свою воронку Герцена, его жену Наталью Александровну и немецкого поэта, представителя революционного движения, Георга Гервега. Трагический эпилог этой истории, начатой в романтическом ключе и окончившейся скандалом европейского масштаба, описан в романе «Былое и думы» (1868) (Литовская, Созина 2004: 258–262). Аналогичный пример мы находим и в жизни Чернышевского, на которую глубоко повлияло прочитанное им и которую он, в свою очередь,

воспроизвел в своих произведениях. Его частная жизнь обрела художественную форму, особенно в романе «Что делать?» (1863), литературными образцами которого послужили «Исповедь» Руссо и «Жак» Жорж Санд, переработанные им на русский лад. «Что делать?» стало настоящим примером стиля жизни для следующего поколения (Паперно 1996: 115–116; Литовская, Созина 2004: 262–266). В романе описана история его супружеских отношений и его вера в возможность жизни втроем вплоть до уверенности в том, что брак должен быть именно тройственным союзом. Героиня романа Вера Павловна – женщина сильная и решительная, ее прямые предшественницы – героини романов И.С. Тургенева «Накануне» (1860) и «Рудин» (1856). Автор произведения верит в то, что чувства должны быть спонтанными, что сексуальность следует реабилитировать, что женщины имеют право на образование и труд, которыми подтверждается равенство полов⁹. «Что делать?» – это модель настоящей жизни, противопоставленная патриархальной модели:

Разрабатывая модель брака в романе «Что делать?», Чернышевский отталкивался от многих литературных источников и от попыток их жизненной реализации, которые приобрели в России широкую известность. Соединение этих источников, имевших разные семантические потенциалы, породило уникальную комбинацию. Так, Чернышевский соединил сюжет «Жака» Жорж Санд с эмоциональной схемой «Исповеди» Руссо и переосмыслил отправную точку супружеской измены как ситуации эмоциональной амбивалентности, предложив в качестве решения гармонический тройственный союз (Паперно 1996: 128; Литовская, Созина 2004: 262–266).

⁹ Критическое отношение Толстого к идеям и эстетическим принципам Чернышевского привело его в 1859 г. к разрыву с «Современником» и к публикации преимущественно в «Русском вестнике» Каткова – журнале, который на тот момент еще стоял на прогрессивных позициях, но вскоре превратился в оплот реакционеров. Чернышевский, со своей стороны, признавал художественный талант писателя, но в 1862 г. вступил с ним в полемику из-за его педагогических идей, появившихся в журнале «Ясная Поляна».

Толстой тоже брал многое для своих произведений из жизненного опыта – как из общения со своей большой семьей, так и из интеллектуальной среды, в которой он вращался. Один из братьев Толстого, Сергей Николаевич, прожил много лет с цыганкой вне брачных обязательств, имел от нее много детей и решил узаконить союз с ней только спустя 18 лет с начала сожителства; другой брат, Дмитрий Николаевич, поддерживал длительную связь с бывшей проституткой; сестра Марья Николаевна, разойдясь с мужем, родила вне брака дочь, плод многолетнего сожителства, которое так и не увенчалось браком. В семье Софьи Берс имели место аналогичные ситуации: кроме известных внебрачных связей отца, можно указать на разводы сестры Елизаветы Берс и брата Александра Берса, не говоря уже о внебрачных детях самого Льва Николаевича¹⁰.

Взаимообмен между искусством и жизнью был настолько интенсивным, что отличить причину от следствия было иногда почти невозможно. Эта постоянная «экспансия литературы в область *реальности*» (Gasparov 1985: 14) была описана Герценом следующим образом:

Странная вещь – это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью. Оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица

¹⁰ Шкловский 1974: 438; Сергей Николаевич Толстой. Биография// <http://tolstoy.ru/life/family/brothers-and-sisters/sergey-nikolaevich-tolstoy> (дата обращения: 11.08.2014). Кроме того, в интеллектуальных кругах эпохи происходили случаи, вызывавшие большой резонанс в обществе: так, Николай Огарев, поэт, революционный деятель, друг и помощник Герцена, влюбившись в Наталью Тучкову уже после заключения брака с другой женщиной, много раз просил у жены развода, но так и не получил его. В конце концов, Тучкова и Огарев решились на гражданский брак, который для поэта, ненавистного правительству и бывшего весьма на виду в обществе того времени, был не только неприличен, но и опасен. Его поведение осудили все, даже друзья, за единственным исключением: в защиту друга выступил Герцен (ср.: Путинцев 1959; Фраде 2001).

вживаются в свои литературные тени. В конце прошлого века все немцы сбивали немного на Вертера, все немки на Шарлотту; в начале нынешнего университетские Вертеры стали превращаться в «разбойников», не настоящих, а шиллеровских. Русские молодые люди, приезжавшие после 1862, почти все были из «Что делать?», с прибавлением нескольких базаровских черт (Герцен 1960: 337).

Такая синергия, довольно очевидная в романтическую эпоху, становится менее явной во второй половине XIX в., когда реализм стремится замаскировать художественные приемы видимостью полного подражания. В действительности, художественная модель, которая скрывается за текстом, написанным в традиции реализма, и управляет его внутренней организацией, никуда не исчезает, а только делается более сложной и менее заметной:

Если романтический текст реорганизует подлинное поведение индивида, то реалистичный реструктурирует отношения между обществом и индивидом и организует по иерархии многие способы поведения относительно шкалы ценностей данной культуры. Его эффект проявляется в организации целой поведенческой системы такой культуры. Естественно, система, которая оказывает это влияние, отличается большей сложностью (Лотман 1992б: 364).

К этому типу системы принадлежит и проза Толстого, кажущаяся простой, на деле же очень сложная. Писатель полностью осознает и трудности процесса написания произведения, и степень влияния автора на читателя – осознает настолько, что в очерке «Что такое искусство» (1898) утверждает: в искусстве над эстетическим фактором должен доминировать нравственный, чтобы произведение могло благотворно влиять на души читателей.

В 1860-е годы Толстой еще не пришел к этому заключению, но уже переносил свое мировоззрение в искусство и, поднимая в книгах жизненные вопросы, взаимодействовал с читателем и со своими современниками. Так, он выражал свои взгляды на семью в прозаических произведениях, остро полемизируя с народнической публицистикой и литературой: начиная с «Семейного счастья» и продолжая комедией-фарсом «Зараженное семейство»

(1864)¹¹ Толстой резко выступал против женской эмансипации и революционных и нигилистских идей. В 1868 г., размышляя о семье и призвании женщины, Толстой записал: «Тот, кто захочет жениться на двух и трех, не будет иметь ни одной семьи. Результат брака – дети. Единства и согласия семьи не может быть при двух или трех матерях и отцах» (Толстой 1936а: 133)¹². Толстой решительно отвергает любовный треугольник, который находит место в семьях, идеализируемых Герценом и Чернышевским; в «Семейном счастье» героиня бежит перед лицом опасности «ménage à trois», а в «Анне Карениной» трагический финал аннулирует любую возможность сожителства, альтернативного законному супружескому союзу. Только во сне Анна может питать эти иллюзии:

Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидение, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом (АК XVIII: 159).

Наконец, в «Крейцеровой сонате» призрак любовного треугольника и измены изгоняется гибельным безумием Позднышева.

Толстой воплощает в художественном слове не только события своего времени, но и отношение к ним своих современников, знакомя читателя с размышлениями и чувствами последних по поводу описанных в романах событий. Споры об искусстве, браке, воспитании, сельском хозяйстве и т. д., воспроизведенные в «Анне Карениной», безусловно пропитаны духом времени; изображение семейной жизни дворянства XIX в. в кризисный и переходный период также обладает исторической достоверностью. Один из критиков той эпохи утверждает:

¹¹ Эта комедия представляет собой пародию на разночинца, который стремится попасть в высший свет, женись на девице благородного происхождения.

¹² О полемике с нигилистами ср.: Эйхенбаум 2009б: 631–633; Паперно 1996: 130–132.

Позднышев – продукт своего времени, плоть от плоти своих современников, привыкших анализировать свои поступки и чувства, раздумывать над мелочами окружающего и неспособных на непосредственные порывы и беззаветные увлечения. Почти в каждом из мужей сидит маленький Позднышев, и почти в каждой семье есть своя «Крейцерова соната». <...> Появись «Соната» не в 1809 году, а, например, в 1870, она осталась бы непонятной, как прошла непонятной в 60е годы повесть «Семейное счастье», яркий и определенный эмбрион «Крейцеровой сонаты» (А. П-ва 1891: 8–9).

Литературные размышления переходят в размышления о культуре, обществе и нравах. В 1890 г. Леонид Оболенский в статье, озаглавленной «Проблемы современной литературы», отмечает, что изящная словесность все больше сосредотачивается на проблеме брака. Автор рассматривает различные художественные произведения, представляя их читателю как примеры из реальной жизни и используя это как возможность для обсуждения таких тем, как брак по расчету и брак по любви, вплоть до анализа отношений между супругами в *действительности* (Созерцатель 1890).

Литературные свидетельства всегда были одним из самых важных источников истории ментальности, повествующей об эволюции субъективных, созданных воображением представлений об объективных явлениях посредством документов литературы и искусства. Они сообщают нам – на разных языках искусства – о восприятии людьми реальных событий (Le Goff 1974: 120). Ментальные представления также распространяются посредством литературного дискурса, и лучшими местами для их распространения являются культурные учреждения, литературные кружки и салоны. Толстовская проза была для современников выдающимся литературным событием; подробное обсуждение его произведений в журналах и газетах и дискуссии о его творчестве во всех литературных кружках того времени будили серьезные размышления и проникали в сознание, оставляя глубокий след в сознании читателей.

Если образ Маши, героини «Семейного счастья», вызывает вопросы по поводу модели семьи, то бунт Анны Карениной представляет собой вызов, возможную альтернативу привычной

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru